

Artykuły, Rozprawy

Статьи, Доклады

Андрей А. Кириллов

РГУ Ростов н/Дону

К началам византийской философии – две тенденции одного процесса

Do początków filozofii bizantyjskiej – dwie tendencje jednego procesu

История византийской философии по сей день не написана. Если не брать во внимание ряд узко специальных статей и несколько „школьных” опусов, то окажется, что как таковой истории византийской философии не существует – „мировоззрение теологизирующей эпохи”, „служанка богословия”, „школьная дисциплина”, „энциклопедия плагиата”, таков приговор, вынесенный ей большинством отечественных и зарубежных исследователей.

Византийская философия по своему характеру уникальна и парадоксальна. Она не произвела на свет ни одной школы или интеллектуальной устойчивой традиции, но по своему внутреннему характеру глубоко школьна и традиционна. В ней нет оригинальной преемственности античных школ философии, но в то же время она вся состоит из бесконечных рядов транслирования идей этих самых школ. Каждый византийский мыслитель, несмотря на сонм авторитетов, стоящих за его спиной всегда остаётся неповторимым и оригинальным в своих рассуждениях и поступках. Византийская философия никогда не станет классической, не смотря на обилие классических тем и проблем, затрагиваемых ею. Подобный неклассический характер византийского философствования и стал основной причиной тех негативных оценок, которые распространены в современной отечественной и зарубежной литературе. С другой стороны, отечественная историко-философская традиция, генетически

связанная с российской богословской филологией, продолжает игнорировать светскую византийскую философию, а основной упор в исследованиях делается на поиски философских аспектов в трудах Восточных Отцов церкви, христологических споров и еретических доктрин.

Проблема генезиса византийской философии до настоящего момента не решена (как не решена и тесно связанная с ней проблема генезиса византийской цивилизации). Кто был „первым византийским” философом, а кто „последним античным”? Этот вопрос представляет огромный интерес, но ответить на него будет невозможно до тех пор, пока не будет преодолен стереотип рассмотрения византийской философии как единой традиции, берущей своё начало в неоплатонических доктринах 4 в. н. э. и завершающейся доктринами исихастов и прожектами неоязыческих реформ Георгия Гемиста Плифона в 15 в. История Византии помнит много „философий” и каждая имеет свою оригинальную историю. Философия Ипатию Александрийской, Синесия, Ливания и Аммиана Марцеллина представляет собой явление диссидентствующей провинциальной языческой аристократии, закончившееся с запретом императора Юстиниана на любое проявление философской мысли в империи, и эмиграцией ведущих представителей афинской философской школы в Персию в 529 году. Параллельно с этим течением существовал кружок „каппадокийских” интеллектуалов, выработавших особую антифилософскую идеологию, тем не менее, облачённую неоплатонические категории и составленную в соответствии с метафизическими построениями Аристотеля. „Каппадокийская” критика языческой философии является вывернутой наизнанку античной философией, философией новой эпохи, трансформированной в „нашу философию”, как сами свою христианскую веру называли учёные епископы (Василий Кесарийский, Григорий Назианзин, Григорий Нисский). В последствии эта теологическая тенденция стала доминирующей в византийской культуре и активно транслировалась за её пределы.

В 8 веке можно наблюдать возрождение интереса к классической философии, выразившейся в учреждении так называемой „государственной школы” кесарем Вардой во главе со знаменитым мыслителем Львом Математиком, постепенно трансформировавшейся в константинопольский университет с отдельным философским факультетом. Этот феномен „государственной философии” был уникальным явлением для своего времени, потому что такие философы как Михаил Пселл, Иоанн Итал и Евстратий Никейский были одновременно служащими государственного аппарата и занимали официальные должности, именуемые как „глава философов”. Рядом законодательных актов учителям философии в константинопольском университете предоставлялось жалование от казны и освобождение от всякой повинности. Однако философская традиция, практиковавшаяся в данном заведении не представляла собой в чистом

виде свободного философствования. Она скорее была призвана готовить квалифицированные кадры для имперской бюрократии.

С полной уверенностью можно говорить о существовании оригинальных философских позиций только имея в виду интеллектуальные кружки, существовавшие в среде византийских образованных аристократов, увлекавшихся собиранием и изучением письменных памятников византийской культуры. В этой среде существовала живая традиция философского диспута, толкования и комментирования текста, самостоятельного анализа окружающей человека действительности. Из этой среды вышла целая плеяда знаменитых византийских полигисторов (Мануил Хрисолор, Феодор Метохит, Никифор Григора, Виссарион, Гемист Плифон, Полифа), людей необычайно широко образованных, своеобразных предшественников и учителей итальянского Возрождения.

Отдельно от выше обозначенных течений стоит мистико-философская традиция паламизма, представители которой сознательно отреклись от какой-либо преемственности в области познания. По их мнению, концептуальный язык не в силах выразить всей истины божественного мира, а следовательно, для человека никакого смысла не имеет познавательный опыт прошлых поколений.

Таким образом, очень трудно говорить о существовании стройной и непрерывной единой философской традиции в Византии. Скорее можно выделить ряд локальных, обособленных в пространстве и во времени интеллектуальных течений и философских дискуссий, существовавших как бы в параллельных мирах.

Поздний или своевременный неоплатонизм

Философия в Византии – это явление порождённое особой интеллектуальной средой, средой очень плотно насыщенной старыми эллинскими философскими идеями и именами. Античные идеи и навыки философствования продолжали жить в обществе, несмотря на рождение «Нового Рима», на запустение и смерть «вечного города», так было на протяжении нескольких веков, начиная с 4 века и вплоть до середины 8 столетия. Специфика интеллектуальной среды восточно-римского социума 5–6 столетий не претерпела каких бы то ни было радикальных изменений по сравнению с первыми веками нашей эры. Для людей живших в выше обозначенный период не существовало таких понятий как «поздняя античность» и «раннее средневековье», «нашей эры» и «до нашей эры». Для них существовала лишь одна реальность – Римская империя, универсальное мировое государство, не имеющее пространственных и временных ограничений в будущем (если взять, к примеру, историсофскую кон-

цепцию Аммиана Марцеллина). Самоидентификация этих людей строилась на принятых и привычных для них мировоззренческих принципах преемственности и наследования. Эти принципы включали в себя общий корпус понятий: от «прокопэ» Полибия (символизирующее подъём могущества Римской державы) до «теосебейи» Евсевия Кесарийского (способности народа империи принять Божественные Законы). Как это сейчас звучит ни странно, но «символом новой эры» для восточно-римских интеллектуалов стал не приход в мир Иисуса Христа, а воцарение в нём единого «мирового» правителя Августа (Гая Юлия Цезаря Октавиана), чьё единоличное правление, начавшееся с 27 года до н. э. В последствии воспринималось как знак готовности принять человечеством власть единого Бога: «...когда Август на земле воцарился, истребляется людей многовластие; когда Бог от пречистой воплотился, устраняется кумиров многобожие»¹. Как нетрудно заметить со слов «ранневизантийской» поэтессы Кассии, Август предшествует Сыну Божьему как в хронологическом порядке, так и в смысловом ряду. Исходя из данного примера восприятия исторического времени византийцами (который не является единственным, а самым показательным), можно предложить рассматривать «ранневизантийскую» философию (её нехристианскую традицию) – как органическую часть философских течений универсального римского государства.

По сложившейся исторической традиции принято считать, что с основанием «Нового Рима», Константинополя, родилась новая геополитическая реальность – Византия. Однако этот факт прошёл незамеченным для большинства мыслителей той эпохи. Аммиан Марцеллин, блестящий писатель, историк и философ 4 века, автор оригинальной философско-исторической концепции, знаменитый сподвижник императора Юлиана Отступника, тонкий ценитель и знаток всего эллинского, тем не менее в своей «Истории» воспекает и поэтизирует идею вечности Рима (*Aeternitas Romae*). «Рим – храм всего мира, для которого нет преград в пространстве и во времени», этот девиз был популярен среди «ранневизантийских» интеллектуалов так же, как и во времена Цицерона, Вергилия, Патеркула и Плиния Младшего. Ромейский (римский) патриотизм, а бывало и национализм, ещё долго оставались «визитной карточкой» чопорной византийской аристократии, основой их самоидентификации в стремительно варваризирующемся мире.

Не смотря на наметившиеся перемены и новые тенденции в восточно-римской империи в 4–5 веках, доминирующим течением в «ранневизантийской» философии, несомненно, оставался неоплатонизм, хотя ещё можно было встретить стоиков и эпикурейцев. В «восточной» империи существовало четыре региональных центра неоплатонической философии:

¹ Памятники византийской литературы. М. 1968, стр. 57.

сирийская школа (Ямвлих, Сопатр Апонейский), пергамская школа (Эдесий Каппадокийский), афинская школа – «академия» (Плутарх Афинский, Прокл Диадокх, Дамаский и Симпликий) и александрийская школа (Гиппатия, Исидор). Неоплатоническая философия стала своеобразной формой интеллектуального, религиозного и политического протеста против христианизации империи. Философские организации неоплатоников представляли собой изолированные сообщества посвящённых, живущих закрытой жизнью и тайно исполняющих древние языческие ритуалы и мистерии. Мифологизация философии у поздних неоплатоников приобрела широкий размах. Если Порфирий был убеждён в том, что философ наилучшим образом достигает единения с божественным началом на пути интеллектуального созерцания, и только для толпы, не способной к философствованию. Необходим путь магического ритуала, то его приемник Ямвлих был уже страстным сторонником «теургии» (богодействия): «...вне теургии нет дороги к божественной жизни»².

В 4–5 веках неоплатонизм перерождается из модного интеллектуального течения в религиозно-философскую идеологию, оснащённую разветвлённой системой мифологических представлений и понятий. С 361 по 363 года, во время царствования в «восточной» империи Юлиана Отступника (представителя пергамской школы неоплатонизма), была предпринята попытка возвести в ранг государственной идеологии теологических построений неоплатонических мыслителей. В это же время философская доктрина испытывает на себе сильнейшее влияние различных восточно-средиземноморских синкретических культов. Попытка Юлиана Отступника сконструировать для империи тотальную политико-религиозную концепцию, способную объединить разрозненных различными культурами, конфессиями и течениями граждан государства, базировалась на метафизической неоплатонической идеи «единого», а вернее, идеи «служения единому». По замыслу последнего империя является земным, воплощённым двойником метафизической, причинной реальности «единого». В данном случае мы можем наблюдать процесс адаптации философско-религиозных построений неоплатонической философии к социально-политическим реалиям восточно-римской империи.

Мифологизация философии явилась отчаянной попыткой языческой элиты устоять перед натиском новой христианской мифологии, это попытка сражаться с «противником» его же оружием. С другой стороны, главы философских школ постепенно сосредотачивают в своих руках жреческие функции, что говорит о падении авторитета традиционного института общественного жречества. Эта тенденция наиболее ярко представлена в творчестве Прокла Диадокха (410–485 гг.). В его произведениях

² De mysteriis. X. 2–5.

практически стирается граница между мифологией и философским осмыслением мифологических символов, между философской притчей и молитвенным причитанием:

«Что до меня, о боги – молю вас: предел положите
Долгим блужданиям моим, опьяните реченьями мудрых!
Да не возможет во век совлечь меня род нечестивый
С вашей священной стези, благими обильной плодами;
Вы же душу мою от буйства толпы неразумной
Ввысь неизменно влеките, скитальцу, к горнему свету...»³

Таким образом, «ранневизантийский» неоплатонизм представлял собой причудливое и парадоксальное явление. Он сконцентрировал в себе различные тенденции не свойственные ранее другим философским школам. Помимо своих традиционных философских изысканий неоплатонические школы выполняли функцию трансляции богатой культурной традиции греко-римского мира. Других альтернативных центров, способных выполнить эту функцию к тому времени не существовало. Эта культурная практика включала в себя переписывание и изошрённое комментирование самых разнообразных текстов, благодаря таким авторам как Дамаский и Симпликий мы имеем почти всё то, что знаем о концепциях Эмпидокла, Мелисса, Зенона, Парменида, Диогена Аполонийского и Анаксагора. Кроме того, вокруг неоплатонических школ и кружков (афинская академия, школа Либания и Фемистия) группировались все представители политической и религиозной оппозиции. В их среде формировались и развивались антихристианские и антиабсолютистские взгляды. В конечном счёте, неоплатонизм был последним прибежищем людей, практиковавших различные языческие культы.

Философия ранней Византии (неоплатоническая традиция) – это философия универсального государства: «Римской империи», существовавшей с 1 века до н. э. По конец 7 века н. э. Это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на её характер. В условиях тотального господства воли одного обожествлённого (по языческой традиции) или богоизбранного (по христианской) человека – императора, философия приобретает оттенок оппозиционности и альтернативности. Преследование подобного инакомыслия имело место как в дохристианской истории империи (высылка из Рима и Италии всех философов Веспасианом в 66 году до н. э. И аналогичные мероприятия Домициана в 94 году н. э.), так и в христианской (сожжение по приказу императора Валента как книг, так и самих авторов – философов Пасифила и Симонида, санкционированное убийство Гиппации, гонения на философов Феодосия II и Валентиана II).

³ Памятники византийской литературы. М. 1968, стр. 146.

Если предыдущие гонения были направлены против отдельных неугодных личностей, то погром философии, устроенный Юстинианом в 527 году был направлен против явления как такового. Запрещение преподавания философии, закрытие Афинской академии, прекращение финансирования школ в которых преподавали учителя-язычники «...из опасения, чтобы они, как бы обучая несчастных, посещающих их школы, на деле не испортили бы души своих учеников»⁴, всё говорило о победе универсальной теолого-государственной идеологии над альтернативным философским мышлением. У византийской философии нет даты рождения, с уверенностью можно констатировать лишь дату гибели и так в её истории будет не раз: разгром константинопольской кафедры философии Иоанна Италя, преследования неоязычников – платоников из школы Плифона и т.д.

Уникальность ситуации, в которую попали «ранневизантийские» неоплатонические школы в 6 веке, определила особенность понимания философии в византийской культуре. В результате гонений 6 века, из всех присущей данной философской традиции функций, легальность сохранила лишь одна – традиция трансляции культурного наследия греко-римского мира, куда входили и избранные философские тексты. Закономерным итогом противостояния официальной теолого-государственной идеологией и оппозиционной, протестной философии, явилась особая смысловая нагрузка термина философии – под ним в Византии стали понимать весь корпус разносторонних знаний, доставшихся в наследство от античности. Тотальная идеология универсального римского государства в 6 веке полностью подавила все возможные альтернативные системы мышления. «Старая» философия не умерла и не выродилась, как считают многие исследователи, а была умерщвлена, так как представляла собой альтернативную религиозную и идеологическую систему. Это означает, что мы имеем дело с уникальным феноменом в истории философии, когда философская школа трансформируется в специфическую идеологическую доктрину, а антифилософская концепция (ортодоксальная идеология каппадокийских Отцов церкви) признаётся как единственно возможная философская система византийского общества.

«Новая» философия

«Изучение византийской философии ставит перед исследователями ряд сложных проблем, в основе которых лежит факт неразрывной связи

⁴ Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в 6 в. С-Пб., 1908, стр. 561.

философии и богословия в византийской культуре»⁵. Эта точка зрения, господствующая в отечественной историко-философской традиции, имеет под собой прочное основание. Каноническими фигурами византийской философской и богословской традиций стали каппадокийские Отцы церкви (Василий Кесарийский, Григорий Нисский и Григорий Назианзин). Будучи учениками знаменитых языческих риторов и софистов, они вобрали в себя всю сумму знаний античной интеллектуальной культуры, их язык, понятийный аппарат, навыки мышления и терминология соответствовали лучшим традициям популярных тогда философских школ. Изложение и толкование Священного Писания у них происходит на языке понятном каждому образованному человеку, именно они вводят в обиход манеру категориальной перекодировки библейских текстов, что в последствии будет названо «византийским вкусом». Эту тенденцию можно проследить даже на самых нейтральных примерах и безобидных примерах: «Хотя целокупность мироздания составлена из частей несходных, однако же, они сопряжены нерасторжимым законом дружества в единую общность и гармонию: так что даже части, по месту, ими занимаемому, наиболее друг от друга удалённые, единимы, как то может быть, показано всеобъемлющим сочувствием»⁶. Здесь «учёный епископ» Василий Великий предстаёт во всём своём риторическом блеске, его терминология отточена и изыскана. Подобную речь вряд ли поняли бы прихожане какой-нибудь провинциальной церкви, да и не для них она предназначалась. По сравнению со своими малограмотными «братьями во Христе», многие из которых не могли даже читать по-гречески, он выглядит просто «философствующим щёголем».

Этот язык платонической философии, язык интеллектуальной элиты империи. Однако философия, излагаемая этим языком, имеет иную идеологическую сущность. Она представляет собой вывернутую наизнанку старую языческую мудрость и повёрнута эта риторика прежде всего против самой философской традиции. По этому вопросу знаменитый российский исследователь Аверинцев С.С. высказал гипотезу о том, что в теолого-философских построениях Василия Великого возможно библейский Творец наделяется чертами платоновского Демидурга, а деление физического космоса на «подлунную» и «надлунную» части целиком заимствованно у Аристотеля. И уже не у кого не вызывает сомнение то, что концепция всемирной симпатии взята из сочинений Посидония Апомейского, где постулируется идея о беспричинной связи всех вещей, которая одушевляет природу. Это говорит о том, что новая имперская

⁵ Сидоров А.И. Иоанн Грамматик Кесарийский (к характеристике византийской философии в 6 в) // Византийский временник. № 49. 1988, стр. 81.

⁶ Basilii Magni Hexaemeron. 2.2-GP. T. 29. col 33A.

религиозная идеология (над которой так упорно трудились Отцы церкви) стремительно адаптировала в себе сложившиеся дискурсивные философские практики.

Несмотря на перемены в общественной жизни империи, «евангелическая простота» не смогла проникнуть в высшие интеллектуальные слои. Весь разветвлённый арсенал утончённых философских категорий плавно перекочевал в богословскую лексику, Василий Великий пишет целый трактат «О том, как молодым людям извлечь пользу из языческих книг». Это своего рода живая иллюстрация к процессу трансформации языческого культурного слоя в христианский: «Подобно тому, как художники готовят сначала некоторыми способами то, что должно воспринять цвет, а затем уже наносят краску, пурпурную или ещё какую-нибудь, так и мы, если хотим, чтобы о нас осталась добрая слава, изучим сначала этих светских писателей, связанных внешним миром, а потом уже будем внимать священным и тайным урокам»⁷.

Григорий Нисский сравнивал эллинскую философию с женщиной, непрестанно мучающейся родами, но, однако, никак не сумевшую разрешиться «младенцем». Это несколько высокомерное замечание, однако не помешало ему использовать в своих умозрительных построениях элементы из стоических и неопифагорейских концепций: «...человек есть некий микрокосм, заключающий в себе всё, что можно найти в макрокосме. Между тем, порядок мироздания есть некая музыкальная гармония, в великом многообразии своих проявлений, подчинённая некоторому строю и ритму, приведённая в согласие сама с собой, себе самой созвучная и никогда не выходящая из этой созвучности, нимало не нарушаемой многообразными различиями между отдельными частями мироздания»⁸. Когда читаешь эти строки, то невольно возникает ощущение, что это писал не канонизированный Отец Восточной церкви, апологет ортодоксального христианства и страстный обличитель императора-язычника Юлиана Отступника, а какой-нибудь последователь учения Пифагора или Эпиктета. Подобное ощущение стойко присутствует при знакомстве с произведениями таких христианских авторов, как Иоанн Филопон, Евномий, Немесий Эмесский и т. д. Показателен в данном случае пример с текстами Псевдо-Дионисия Ареопагита, которые так и пестрят «языческой» терминологией (мист, мистагония, телесургия, эпоит и т. д.). Это свидетельствует о том, что «новая» философия остаётся в категориальной, стилистической и идейной зависимости от отвергнутой и униженной ею самой эллино-языческой традиции. Другими словами, оформление «новой», «нашей» философии происходит в пространстве, насыщенном старыми языческими философ-

⁷ Памятники византийской литературы. М. 1968, стр. 55.

⁸ Памятники византийской литературы. М. 1968, стр. 85.

скими представлениями. Это пространство продолжало существовать даже после исчезновения самой философии в текстах, в школьной традиции и в навыках мышления. Прежняя языческая философия перемещается в параллельный мир по отношению к действительности, вынуждена существовать на «полях» и в «скобках» новой идеологии. Не имея права голоса, она говорит устами своих противников, её авторитет не значителен, но ссылки на неё обязательны.

Активная деятельность каппадокийских Отцов церкви, Иоанна Златоуста и других представителей «новой» философии, привела к идеологической революции в интеллектуальной жизни империи. Непрерывающаяся полемика ортодоксов с различными еретическими течениями привела к «мобилизации» всего изощрённого дискуссионного арсенала языческой философии. Необходимость участия в острых спорах, проведения тонкой дискуссии по множеству путанных и противоречивых вопросов, потребность доказывать и опровергать, способствовало частичному восстановлению интереса к языческой философии, в особенности к тем авторам и произведениям, которые могли служить ярким риторическим образцом и примером строго и логичного структурирования. Это означает, что весь набор формально-логических принципов аргументации языческой философии признаётся годным для использования в христианских диспутах и строительстве теологических конструкций. Сфера дискуссии – эта та область, где актуализируется и в прямом смысле выживает старая языческая философия. Здесь произведения «старых» греческих авторов находят своё признание и приобретают «учительный» авторитет. Благодаря подобному утилитарному применению языческая философия актуализируется в «новой» философии, в новой, уже «византийской» реальности. В последствии произошла эволюция: от чисто утилитарного использования языческих философских произведений к исследованию их самостоятельной ценности, вне идеологического контекста. Наиболее ярким примером подобной деятельности может служить «Мирибиблион» патриарха Фотия, где мирно соседствуют такие авторы как Феодор Антиохийский, Григорий Нисский и Софроний с Эпиктетом, Либанием и даже Лукианом.

Однако в своей гносеологии «новая» философия пришла к осознанию невозможности применения формально-логических принципов для «истинного познания». Это означает, что высший этап познания перенесён в сферу неформализуемых феноменов. На первое место выходит эмоционально-эстетический опыт и проблема непонятного выражения д`ховных сущностей «...ибо вера возникает из душевного расположения, а диалектика от искусства её создателей. Следовательно, в ком есть действительная вера, для него не необходимы, а скорее излишни доказательства от разума. Ибо то, что мы постигаем верою, вы пытаетесь утверждать разумом и часто не можете выразит словом понятное нам. Таким образом,

действительная вера лучше и надёжнее ваших хитроумных суждений...»⁹. Увлечённость «невыразимым, неразличимым, неизречённым» есть не столько оригинальная черта «новой» философии, сколько знамение времени. Идея неизречённости, трансцендентного, несказанной полноты Единого, является ключевым моментом поздней неоплатонической философии. В данном случае «старая» и «новая» философии идут руку об руку друг с другом. Они с одинаковым чувством глубокого религиозного трепета относятся к процессу познания или было бы правильно сказать, приближения к познанию Единого, Бога, Абсолюта. Для них очевидна беспомощность и бесполезность в данном деле всех способностей человеческого разума. Умозрительные принципы познания заменяются на разветвлённую систему упражнений и ритуалов, призванных обеспечить «...силу дивного посвящения и сверх природную, всё превышающую надежду»¹⁰. Эмоциональная экзальтированность и теургичность выходят на первое место в этих философских доктринах. Высшим достижением подобного познания считалось молчаливое почитание божества в сокровенных «безднах неведения». Автор «Ареопагитик», Псевдо-Дионисий указывает на существование двух способов передачи информации об истине: «Один – невысказанный и тайный, другой – явный и легко познаваемый; первый – символический и мистериальный, второй – философский и общедоступный»¹¹. Таким образом, намечается общая тенденция эпохи – высшая и не молвленная истина транслируется только первым способом. Если философские суждения содержат формально-логическую истину, то мистериальный, теургический образ – умонепостижимую, наиболее близкую к «душевному и божественным силам».

Это явилось основой для начала процесса дистанцирования и изоляции каждого из этих философских течений от всей остальной философской традиции. В неоплатонической философии этот процесс достиг апогея в 60-е годы 4 века, а для «новой» философии это произошло примерно на сто лет позже. Желание тотального доминирования в общественном мировоззрении привело к замыканию этих двух традиций в кругу канонизированных догматом текстах и положениях. Подобное «желание» стало результатом попытки включения данных философских доктрин в общеимперскую идеологию. Примечательно, что употребление таких понятий как догма и ересь в неоплатонической и христианской традициях приобретает первостепенное значение. И в первом и во втором случае, догма означает принятое положение, единственно возможное мнение, в рамках которого может существовать частное мнение человека, причи-

⁹ Памятники византийской литературы. М. 1968, стр. 44.

¹⁰ Procl. In Timaeon. 1, 209. 1 sqq Diehl.

¹¹ Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев 1991, стр. 85.

сляющего себя к обществу неоплатоников или христиан. Всякая же другая доктрина признаётся ересью. Этот факт говорит о том, что «позднеантичный платонизм» и «ранневизантийская философия» являются культурными феноменами одного порядка, но с различной религиозно-идеологической направленностью. Различная идеология разводит данные концепции в «параллельные миры», где истиной является догма, а все остальные мнения могут служить лишь как объекты для критики.

Последнее способствовало выработке специфической формы понимания философии в культурном мире Византии. Византийских интеллектуалов редко занимала проблема определения предмета философии, так как в данном вопросе они придерживались консервативных взглядов и предпочитали дань традиции. В 7 веке Иоанн Дамаскин, богослов и мыслитель, ставящий себе в заслугу выше обозначенный консерватизм¹², дал поистине эпохальное определение философии: «Философия разделяется на теоретическую и практическую: теоретическая – на богословие, физиологию и математику, практическая – этику, экономику, политику... богословию свойственно рассматривать бестелесное и невещественное: прежде всего Бога, поистине невещественного, затем ангелов и души..., физиология есть знание вещественного и непосредственно нам доступного, то есть животных, растений, камней и тому подобного..., математика есть знание того, что само по себе бестелесно, но что, тем не менее, можно наблюдать в телах: я имею ввиду числа и гармонию звуков, а кроме того – геометрию светил – астрономию..., практическая философия касается добродетелей, так как упорядочивает нравы и учит, как вести образ жизни: при этом, если она предполагает законы одному человеку, то называется этикой; если целому хозяйству – экономикой; если городам и странам – политикой»¹³.

В промежуток времени между творчеством Псевдо-Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина вырабатывается канон византийской философии. Отправной точкой классической византийской философии является идея о надприродном положении Бога. Положение, привнесённое из библейских текстов, становится определяющим для развития философской мысли. Основным объектом рассмотрения становится, как выразился Иоанн Дамаскин «невещественное», то есть Бог как абсолютное бытие, взгляд познающего человека направлен не на мир, а не «запредельное». Мыслить надприродного Бога невозможно в пределах логики многообразного мира, поэтому весь гносеологический опыт предыдущей философской традиции

¹² «Я не скажу ничего своего, но по мере сил соберу воедино, представлю в сжатом изложении то, что было разработано испытанными наставниками // Культура Византии второй половины 7-12 вв. М., Н., 1989.

¹³ Памятники византийской литературы. М. 1968, стр. 271-272.

оказывается бесполезным в данном аспекте. Задача познания Бога человеческим разумом – невыполнима, однако человеку, как творению Бога, последний проявлен в духовно-эмоциональном мировосприятии, человеку остаётся лишь один способ – непосредственное, сверхлогическое постижение, то есть мистика. Мистика в классической византийской философии становится единственным способом истолкования предельных проблем отношения Бога и сотворённого им мира и человека. Мифологизация философии, начавшаяся в неоплатонизме, завершилась полной мистификацией в классической византийской философии.

This article is devoted to origin of Early Byzantine tradition of philosophy. Author has analyzed such opposite schools of philosophical thought as Neoplatonism and „new philosophy” of Church fathers as a versions of Byzantine ideological project. Mysticism, teurgy and isolationism have observed as a discursive nuclear of this project.